

Рождение «публичной сферы» из духа интеллектуальных дискуссий*

Тухватулина Лиана Анваровна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: spero-meliora@bk.ru

В статье анализируются некоторые тезисы в защиту идеи о влиянии духа ранневикторианской Англии на становление философии науки. Особым образом анализируются аргументы У. Хьюэлла в защиту научной переориентации английского университетского образования. Кроме того, обосновывается тезис о том, что открытые интеллектуальные дискуссии на страницах английских журналов в ранневикторианскую эпоху способствовали формированию «публичной сферы» (Ю. Хабермас) в Англии. Роль такого рода обсуждений состояла в формировании нормативного консенсуса по широкому кругу вопросов между представителями буржуазии и родовой аристократии.

Ключевые слова: Хьюэлл, ранневикторианская Англия, мета-научные дискуссии, университет, Хабермас, публичная сфера

THE BIRTH OF PUBLIC SPHERE FROM THE SPIRIT OF INTELLECTUAL DEBATES

Liana A. Tukhvatulina – PhD in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: spero-meliora@bk.ru

The author advocates the idea about the connection between the spirit of early Victorian England and the birth of philosophy of science. She pays special attention to the arguments provided by W. Whewell in support of “the scientific turn” of English university education. The author argues that the public intellectual discussions organized by the leading English daily magazines (i.e. *Tatler*, *Spectator*) played their role the formation of the public sphere (J. Habermas) in this period. These discussions contributed to the search for a normative consensus between the bourgeoisie and the land aristocracy.

Keywords: Whewell, early Victorian England, metascience discussions, university, Habermas, public sphere

В своей статье Илья Теодорович представляет панорамное описание особого духа ранневикторианской Англии, который, по его мнению, изрядно способствовал рождению философии науки. В этой небольшой реплике мне бы хотелось дополнить некоторые тезисы, представленные в заглавном тексте. Однако особый акцент я сделаю на том, что атмосфера открытых интеллектуальных дискуссий (в том числе по вопросам обоснования науки) в немалой степени повлияла на становление одного из главных достижений Викторианской эпохи – полноценного гражданского общества в Англии.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-03-00812-ОГН «Рождение философии науки. Уильям Хьюэлл, круг общения и следствия для 20 века» и проект № 17-03-00733-ОГН «Системно-коммуникативный подход Н. Лумана в приложении к российскому обществу».

В первую очередь мне бы хотелось обратиться к сюжету о роли (прото-)философии науки в обосновании самой науки, а также в последующей научной переориентации университетского образования в Англии. К слову, **существенные заслуги в обосновании «подлинно научного» университетского образования принадлежат как раз У. Хьюэллу.** В работе «О принципах английского университетского образования» Хьюэлл показывает преимущества «практической» модели образования, в основе которой – изучение математики и древних языков, ибо именно они дают «ясные доказательства и стабильную определенность, которые закладывают основание нашего знания» [Whewell, 1938, p. 39]. Хьюэлл выделяет эти области знания, поскольку «идея пространства, числа, общих правил грамматики конституируют человеческое мышление» [ibid.]. Только на основании этой пропедевтики возможен переход к изучению такой сложной для молодого ума области, как физика¹. Хьюэлл противопоставлял «практическую» модель преподавания «спекулятивной», основанной на пассивном усвоении знания, которое «или остается в памяти, или же используется как основа для последующих спекуляций, однако не может быть воспринято и превращено в практическую привычку интеллектуальной деятельности» [Whewell, 1838, p. 9]. Характерно, что именно «спекулятивная модель» не способствует формированию творческого научного мышления, а значит, ее доля в университетском образовании должна быть сведена к минимуму. В своей критике «спекулятивной модели» Хьюэлл стремится дискредитировать и естественную теологию, которая в те времена оставалась базовым компонентом английского университетского образования. Для этого Хьюэлл использовал в том числе философско-исторические и социологические аргументы, показывая, что «спекулятивное» образование не может дать никаких позитивных результатов для общества – и даже, напротив, ведет к его интеллектуальной и технологической деградации [Касавин, Тухватулина, 2018]. Этот аргумент особенно явно демонстрирует то, что участие Хьюэлла в дискуссиях о реформировании английских университетов было нацелено и на социально-политическую легитимацию науки.

В целом стоит отметить, что проблема социального обоснования науки в те времена представляла не только сугубо философский интерес. Автор монографии о викторианской науке Ричард Йео (Richard Yeo) отмечает, что наука в эту эпоху в Англии была явлением «маргинальным». «Без какой-либо внешней поддержки (унаследованного состояния или прочной позиции при университете или церкви) регулярное и основательное научное творчество было практически

¹ Сложность, по мнению философа, обусловлена тем, что знание здесь основано на наблюдении – это делает его более «ситуативным».

невозможным <...> Майкл Фарадей, самый известный ученый-экспериментатор того времени, был счастливым обладателем одной из немногих научных позиций, будучи директором лаборатории при Королевском институте с 1825 г. Однако современники рассматривали его случай скорее как исключение – отчасти из-за его финансовой несостоятельности. В письме Ч. Бэббиджу в 1835 г. лорд Сомерсет назвал “романтическим” это сочетание нищеты Фарадея и его страстной увлеченности наукой» [Yeо, 2003, p. 34]. Иначе говоря, развитие науки в то время вовсе не входило в сферу насущных политических интересов. Так что наука развивалась силами выдающихся энтузиастов – зачастую при полной индифферентности государства.

Впрочем, есть основания полагать, что, благодаря слабой институционализации науки и отсутствию интереса со стороны государства, вопрос о ее социальном значении был в то время предметом широкой общественной дискуссии. Причем именно такой контекст обсуждения проблемы требовал от «людей науки» (**men of science**) аргументов, которые убедили бы широкую аудиторию в необходимости государственной поддержки их деятельности. Так, в 1810 г. в журнале *Edinburgh Review* вышла статья шотландского математика Джона Плейфера, который, осмысляя последствия Французской революции для науки, делал особый акцент на том, что активная государственная поддержка науки во Франции была связана с осознанием ее практической полезности. Обретение такой поддержки в Англии, по мнению Плейфера, требовало, чтобы общественность была осведомлена в истории науки и понимала значение свободного доступа в науку [Yeо, 2003, p. 36]. Любопытно, что самое стремление представить науку неотъемлемой частью культуры с самого начала сопровождалось беспокойством по поводу того, насколько диалог с широкой аудиторией может быть затруднен специальным языком науки. Пусть этот язык во многих областях пока еще был развит весьма слабо, однако уже тогда он становился преградой для людей непосвященных. Так, Джон Гершель, признавая необходимость профессионального концептуального аппарата, выражал обеспокоенность по поводу того эффекта, который может создать «стремление науки рядиться в причудливые и отталкивающие одежды» [Herschel 1830, p. 70].

Ричард Йео отмечает, что диалог «людей науки» с широкой аудиторией в ранневикторианской Англии не может быть охарактеризован привычным теперь выражением «популяризация науки», поскольку таковая возможна лишь при наличии четкого деления на «профанов» (*lay persons*) и «экспертов». Но коль скоро это деление создается именно в результате отчетливо выраженной институционализации научной деятельности, в данном случае оно некорректно. Вместе с тем характерно, что отсутствие такого рода ролевой иерархии помогает осмыслить этот коммуникативный процесс в контексте формирова-

ния «публичной сферы» в Англии. Напомним, что понятие «публичной сферы» (*Öffentlichkeit*, *public sphere*) в концепции Ю. Хабермаса обозначает ту часть коммуникативного пространства, в которой (или где) посредством свободной дискуссий происходит легитимация общественных институтов. Принципиально важно то, что «публичная сфера» автономна от государства, поскольку она является медиатором в отношениях между индивидом и официальной политической властью. Подобное опосредование позволяет демпфировать эффект от властных решений, подчиненных принципам стратегической рациональности, дабы способствовать поддержанию рациональности коммуникативной. Кроме того, «публичная сфера» организует то коммуникативное пространство, где частные интересы могут стать политически значимыми. В контексте рассматриваемой нами проблемы существенно то, что при отсутствии явной заинтересованности государства «люди науки» в ранневикторианской Англии избрали единственно верную стратегию, сделав институциализацию науки предметом «общего интереса». При этом, как было сказано выше, само это обсуждение сыграло не последнюю роль в формировании гражданского самосознания. Определение «общего интереса» должно происходить не только в стенах британского парламента – общество в целом должно превратиться в одну большую «говорильню», которую уже невозможно будет не услышать в коридорах власти. Безусловно, сама возможность такой трансформации «публичной сферы» появилась под символическим влиянием событий Французской революции, однако ее направление определялось повесткой, которую формировала английская интеллектуальная элита.

Илья Теодорович в своей статье отмечает роль неформального, но чрезвычайно творческого общения У. Хьюэлла с его выдающимися учеными современниками в рамках так называемых «философских завтраков». Однако примечательно, что, наряду с этим, интеллектуальные дискуссии все-таки не ограничивались узким кругом посвященных. Ежедневные журналы *Tatler* и *Spectator* в то время выступали площадкой обсуждения вопросов литературы, науки, политики и философии, в которое была вовлечена образованная аудитория. Редактор журнала *Spectator* Джозеф Аддисон видел свою заслугу в том, что «философия, вышедшая из библиотек и чуланов, колледжей и школ, вдруг поселилась в клубах и собраниях, чайных домах и кофейнях» [Уео, 2003, р. 38]. В ретроспекции становится очевидно, что значение этих дискуссий состояло вовсе не только в их содержательных результатах, но и в пронизывающем их духе свободы и творческого единения.

С социально-исторической точки зрения значимо также то, что они до некоторой степени способствовали формированию ценностного консенсуса между представителями земельной аристократии и

буржуазии. Ведь «демократический» характер такого рода публичных обсуждений нивелировал различия в происхождении и сословной принадлежности участников, но формировал солидарные позиции на основании признания некоторых «универсальных рациональных принципов» [Хабермас, 1989]. Тем самым мы вправе предположить, что такого рода дискуссии предлагали читающей аудитории уникальную возможность стать арбитром в этических, эстетических и даже научных спорах. При этом само появление такой возможности свидетельствует о радикальном разрыве с предшествующей традицией, закреплявшей эту роль исключительно за придворной аристократией. Отныне к дискуссии был сопричастен широкий круг образованных людей, что делало ее основанием для формирования настоящей «публичной сферы» [Hohendahl, 1982].

Резюмируя, стоит подчеркнуть, что развитие философии науки в эту эпоху, несомненно, несло на себе отпечаток характерных черт ранневикторианской Англии. Но вместе с тем в том специфическом модусе метанаучных дискуссий это развитие во многом формировало еще и дискурсивный стиль зарождающегося гражданского общества в современном смысле этого слова.

Список литературы

Касавин, Тухватулина, 2018 – *Касавин И.Т., Тухватулина Л.А.* Образование как «продолжение политики другими средствами»: Дж.Ст. Милль и У. Хьюэлл об идее университета // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики*. 2018. № 4 (18). С. 148–168.

Хабермас, 1989 – *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы. М.: Весь мир, 2016. 344 с.

Herschel, 1830 – *Herschel J. Sound* // *Encyclopaedia Metropolitana*. 1830. Vol. 4. P. 747–824.

Hohendahl, 1982 – *Hohendahl P.U.* The Institution of Criticism. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1982. 281 p.

Whewell, 1838 – *Whewell W.* On the Principles of English University Education. L.: John W. Parker, West Strand, 1838. 189 p.

Yeo, 2003 – *Yeo R.* Defining Science. William Whewell, Natural Knowledge, and Public Debate in Early Victorian Britain. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003. xiii +280 p.

References

Habermas, J. *Strukturnoe izmenenie publichnoy sfery* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry in a Category of Bourgeois Society]. Moscow: Ves Mir, 2016. 344 pp. (In Russian)

Herschel, J. "Sound", *Encyclopaedia Metropolitana*, 1830, vol. 4, pp. 747–824.

Hohendahl, P. U. *The Institution of Criticism*. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1982. 281 pp.

Kasavin, I. T., Tukhvatulina, L. A. "Образование как 'продолжение политики другими средствами': Дзх. Ст. Милл и У. Хьюелл об идее университета" [Educations as "the Continuation of Politics by Other Means": J. S. Mill and W. Whewell on the idea of university], *Praxema. Journal of Visual Semiotics*, 2018, no. 4 (18), pp. 148–168. (In Russian)

Whewell, W. *On the Principles of English University Education*. London: John W. Parker, West Strand, 1838. 189 pp.

Yeo, R. *Defining Science. William Whewell, Natural Knowledge, and Public Debate in Early Victorian Britain*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. xiii +280 pp.